

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Подоксенов А. М. Пришвин о культе личности Сталина : заметки современника / А. М. Подоксенов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 237—252. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252.

Podoksenov, A. M. (2023). Prishvin about Stalin's Cult of Ppersonality: Notes of Contemporary. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 237-252. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252

**Пришвин о культе
личности Сталина:
заметки современника**

Подоксенов Александр Модестович

orcid.org/0000-0001-6405-6140

доктор философских наук, профессор,
кафедра философии
и социальных наук
podoksenov2006@rambler.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Prishvin about Stalin's
Cult of Personality:
Notes of Contemporary**

Alexander M. Podoksenov

orcid.org/0000-0001-6405-6140

Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy
and Social Sciences
podoksenov2006@rambler.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Подоксенов А. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается еще не исследованный вопрос об отношении Пришвина к культу личности Сталина, в чем заключается новизна исследования. На материале впервые вводимых в научный оборот сведений из 18-томного «Дневника» Пришвина, который стал доступен для читателя только в новейшее время, прослеживается эволюция взглядов писателя на роль Сталина в деле становления и развития советского государства. Цель работы — показать, что человек с историософским складом мышления Пришвин далек от мысли, будто причина возникновения культа личности — это исключительно вина Сталина из-за его коварства и деспотичности. Отмечается, что значимость суждений Пришвина об истоках и причинах сталинского культа состоит еще и в том, что выводы писателя во многом превосходят заключения многих позднейших исследователей советской эпохи. Делается вывод, что пришвинский анализ объективных и субъективных факторов возникновения культа личности Сталина показывает читателю не только талантливого художника слова, но и незаурядного мыслителя с собственным философским взглядом на самые злободневные идейно-политические, экономические и социокультурные проблемы своего времени.

Ключевые слова:

Пришвин; дневники; отечественная литература XX века; проблема культа личности; образ Сталина.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novelty of the study is seen in the unexplored question about Prishvin's attitude to Stalin's cult of personality. The evolution of the writer's views on the role of Stalin in the establishment and development of the Soviet state is considered based on the material first introduced into scientific circulation, summarized from the 18-volume Prishvin's "Diary", which became available to the reader only recently. The aim of the study is to show that as a man with a historiosophical mindset, Prishvin is far from thinking that the cause of the cult of personality is solely Stalin's fault because of his treachery and despotism. It is noted that the significance of Prishvin's conclusions about the origins and causes of the Stalinist cult also lies in the fact that the writer's conclusions largely anticipate the conclusions of many later researchers of the Soviet era. It has been established that Prishvin's analysis of the objective and subjective factors of the emergence of Stalin's personality cult shows the reader that before him is not only a talented artist of words, but also an extraordinary thinker with his own philosophical view on the most pressing ideological-political, economic and socio-cultural problems of his time.

Key words:

Prishvin; diaries; domestic literature of the 20th century; the problem of the cult of personality; the image of Stalin.

Пришвин о культе личности Сталина: заметки современника

© Подоксенов А. М., 2023

1. Введение = Introduction

Хорошо известно, что Пришвин, хотя и был известным советским писателем, получившим ряд государственных наград и литературных премий, тем не менее не был ярким сторонником и пропагандистом советского политического режима. В то же время как талантливый художник слова и незаурядный мыслитель, Пришвин, конечно же, не мог не обратить свой взор на деятельность политических вождей советской эпохи, и в его многотомном «Дневнике» значительное место занимают размышления о генеральном секретаре правящей партии первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Первая дневниковая запись о вожде большевиков появляется у Пришвина в конце 1924 года: «Сталин выпустил брошюру против Троцкого “Троцкизм или Ленинизм” — невозможно выговорить, а Каменев назвал свою брошюру “Ленинизм или Троцкизм” — это выговаривается. Каменев, наверное, литературнее Сталина» [Пришвин, 1999, с. 190]. В приведенном размышлении писателя о представителях новой власти наряду с общепризнанными вождями революционного движения — В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и Л. Б. Каменевым — не случайно упоминается имя И. В. Сталина, вся жизнь которого как генсека правящей партии и государственного деятеля будет определяться жестким и зачастую беспощадным соперничеством как с упомянутыми, так и с другими представителями элиты большевизма.

Если идейное наследие Ленина для Сталина станет основой теории социализма, которую он будет применять и развивать в практике государственного строительства, то к Троцкому и Каменеву, да и ко всем иным руководящим деятелям партии, генсек будет относиться прежде всего как к политическим соперникам — «претендентам на трон». Здесь важно отметить, что в советскую эпоху практически вся государственная власть находилась под контролем Коммунистической партии (до 1925 года — РКП(б), в 1925—1952 годах — ВКП(б), с 1952 года — КПСС). Высшим органом самой партии был Центральный комитет, избиравший Политбюро, решения которого были обязательны для всех как партийных, так и государственных структур. Это означало, что высшая власть в стране была у того, кто контролировал Политбюро ЦК.

Правда, роль Сталина в Политбюро и влияние на жизнь советского общества поначалу были весьма скромными, и усиление его позиций на первых порах шло лишь в скрытой от посторонних глаз сфере административно-партийного руководства. Почти все первое десятилетие после Октября он как генсек в основном лишь поддерживает или критикует инициативы других советских вождей, входящих в те годы в состав Политбюро ЦК: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, М. П. Томского, Н. И. Бухарина, В. В. Куйбышева, — постоянно сталкивая их между собой и интригуя с одними против других. Затем по мере политической дискредитации или физического устранения своих конкурентов Сталин постепенно стал приобретать статус «вождя партии», который значительно упрочился при праздновании его 50-летнего юбилея в 1929 году. В это же время появляются и первые самостоятельные решения Сталина: курс на индустриализацию экономики и коллективизацию сельского хозяйства, реализацию которых советская власть станет осуществлять самыми жесткими методами государственного диктата и классового насилия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопрос об отношении Пришвина к культу личности Сталина, который составляет существенную часть мировоззренческих взглядов писателя на советскую действительность, до настоящего времени еще не исследован, о чем можно судить по отсутствию в пришвиноведении статей на тему «Пришвин и культ личности Сталина» в библиографическом указателе (см: [Михаил ..., 2013]). Отсутствие статей по заявленной нами теме обусловлено во многом тем, что отражение советской эпохи в творческом наследии писателя было скрыто в потаенном на многие годы «Дневнике» (1905—1954), 18 томов которого были изданы только в новейшее время с 1991 по 2017 годы. Публикация «Дневников» писателя с момента их появления вызвала и продолжает вызывать большой интерес исследователей самых разных аспектов творчества Пришвина [Апанович, 2002; Новоселова, 2004; Павловский, 1993; Сова, 2015; Борисова, 2018; Летаева, 2021]. Особо следует отметить огромный труд сотрудников мемориального дома-музея М. М. Пришвина в Дунине Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой — авторов комментария к каждому из 18 томов пришвинского «Дневника» (общий объем комментариев составит отдельный увесистый том).

Размышления Пришвина о культе личности Сталина — ценнейший исторический документ, передающий непосредственные впечатления очевидца о моральной атмосфере советского мироустройства, о вождях и политических деятелях большевизма, о провозглашаемых ими идеях и планах строительства нового государства, основанного на принципах

справедливости, всеобщего равенства и отсутствия эксплуатации человека человеком. Хотя ряд исследователей уже рассматривал проблему мировоззренческих взглядов Пришвина в советскую эпоху [Кузнецов, 1990; Павловский, 1993; Холодова, 2000; Варламов, 2003], упомянутые авторы не касались вопроса об отношении писателя к культу личности Сталина.

В данной статье мы ставим цель — показать историко-культурный контекст эволюции взглядов писателя на истоки культа личности Сталина. Нами используется биографический метод как общепринятый в литературоведении и истории философии, рассматривающий биографию и личность писателя или мыслителя в качестве определяющих факторов его творчества. Биографический метод позволяет объективно и доказательно проследить эволюцию философско-мировоззренческих взглядов писателя, на разных этапах творческого пути находящих свое выражение в его искусстве. Метод реконструкции идейно-политического контекста жизни советского общества позволяет лучше понять особенности отношения писателя к государственной деятельности Сталина. Отличие Пришвина от многих современников — советских деятелей культуры, художников и писателей — в том, что в своем творчестве он всегда исходит из собственного опыта жизни и личных убеждений, не пытаясь подстроиться к господствующей в данный момент идеологии. Именно в этом ценность высказываний Пришвина о достоинствах и о недостатках правления Сталина, в стремлении дать исторически достоверный портрет его как вождя коммунистической партии и государства в столь сложный и противоречивый, а зачастую и трагичный период жизни советского общества 1920-х — начала 1950-х годов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пришвин об идейно-теоретических истоках и предпосылках культа Сталина

Размышления о сущности своего крайне идеологизированного времени вполне закономерно приводили Пришвина к вопросу о причинах возникновения и укрепления в общественном сознании культа Сталина. Одной из изначально главных предпосылок возникновения культа личности многие исследователи считают принятую в марте 1921 года резолюцию X съезда РКП(б) о политическом единстве и запрете любых фракций, что дало центральному аппарату самые широкие полномочия в борьбе с инакомыслием среди партийцев: «Съезд предписывает <...> всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии» [История ..., 1973, с. 313]. Заняв в апреле 1922 года пост генсека, Сталин станет использовать

эту резолюцию для укрепления собственной власти, постепенно оттеснив или устранив всех значимых политических соперников — соратников Ленина, вождей Октябрьской революции и большевизма. И хотя среди критиков сталинизма существует мнение, что в раскрутке своего культа ведущая роль принадлежит самому Сталину, в советскую эпоху порой не меньшая по масштабам пропаганда культа личности широко распространялась в отношении как В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, так и целого ряда иных деятелей большевизма: Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинского, М. В. Фрунзе, С. М. Кирова и др.

Прославление революционных деятелей было неотъемлемой частью советской пропаганды, широко практикующей тиражирование их портретов, избрание в «почетный президиум» съездов или собраний, присвоение их имен улицам и школам, заводам и фабрикам, вплоть до переименования городов. В повести «Мирская чаша» (1922) Пришвин рассказывает, что портреты вождей революции были типичным антуражем советских отделов и присутственных мест, где начальники находились в окружении новоявленных революционных богов: «Ленин, Троцкий и все тут на открытках», — и каждый чиновник, глядя на них, как будто «молится, презирая окружающих» [Пришвин, 2001, с. 113].

Суть политических процессов, происходивших в 1920—1930-х годах в советском обществе, для Пришвина виделась не столько в обострении классовых противоречий, сколько в усилении внутрипартийной борьбы бюрократии за власть. ««Классовую борьбу» теперь, при подавлении враждебных классов, надо понимать как борьбу за государство» [Пришвин, 2009, с. 58], которую ведут между собой вожди большевизма, поэтому «личная диктатура должна завершить революцию неизбежно» [Пришвин, 2006, с. 143], — провидчески пишет он о грядущем сталинском всевластии, которое все более укреплялось по мере разгрома оппозиционных течений и ликвидации их лидеров.

В политике большевизма Пришвин обнаруживает, что насилие как метод правления осталось тем же, что и при монархии. Если царская власть держалась, во многом опираясь на исторические традиции и многовековую привычку подчинения, то в новом пролетарском «государстве» новый план потребовал для своего выполнения принуждение во много раз большее, а люди все те же и еще хуже» [Пришвин, 2009, с. 204]. В «Дневнике» писатель рассказывает, как генсек искоренял «левые» и «правые» уклоны внутри партии большевиков, под предлогом борьбы за «идейную чистоту» дискредитируя, а затем и физически уничтожая оппозиционеров. Одним из таких примеров, как Сталин «съел Троцкого», стало провозглашение генсеком в конце 1920-х годов политики ускоренной индустриализации эко-

номики и коллективизации сельского хозяйства — прямое воплощение замыслов Троцкого, идеи которого совсем недавно решительно отвергались на подконтрольных Сталину заседаниях Политбюро и Пленумах ЦК. «Трагизм Троцкого состоит в том, что он выдумал “левый курс” и сам первый от своей выдумки пострадал: Сталин взял его идею, осуществил, а самого автора выкинул вон» [Пришвин, 2006, с. 266]. Здесь следует отметить, что так называемый «левый курс» Троцкого — это выдвинутая им в середине 1920-х годов идея ускоренной «индустриализации» страны за счет сверхэксплуатации сельского хозяйства как «колонии промышленности».

Доискиваясь до конечных причин трансформации так называемой «диктатуры пролетариата» в личную диктатуру Сталина, Пришвин приходит к выводу: теоретическим истоком такой политики является учение марксизма о классовой борьбе как движущей силе общественного развития, что вело к принципиальному отказу партии большевиков от элементарных норм демократии. Поэтому закономерно, отмечает Пришвин, что в результате борьбы партий за власть «у нас после падения царизма в конце концов взяла верх одна и уничтожила все другие», более того, внутри самой партии большевиков начался «отбор личностей, исключаящий одного, другого до тех пор, пока не останется личность одна. Теперь это Сталин, человек действительно стальной» [Там же, с. 143].

Пришвин, который в молодости был сторонником идеологии марксизма, понимал, что многие из особенностей социальных отношений в обществе обусловлены насильственной сущностью революционного управления государством: «Кто взялся за государственную власть, должен действовать и как животное, и как зверь. <...> Не может быть морали во время революции, когда сила выступает голой силой» [Пришвин, 1995, с. 40, 62]. Преимущество Сталина было в том, что он не только умело играл на обычных человеческих слабостях своих соратников, но и не гнушался использованием любых аморальных средств, что, по мнению писателя, при отсутствии демократии стало неотъемлемым атрибутом политической борьбы за власть.

3.2. Пришвин о тотальной бюрократизации как порочной тенденции развития советского государства и пути к культу личности

Становление Сталина как лидера партии и государства, а тем более обретение им статуса культа определялись не только субъективными его качествами, такими как вероломство характера или принципиальный аморализм, но и объективными факторами и потребностями исторического развития советского общества. В этом плане интересно проследить путь творческой мысли Пришвина, содержащей суждения об истоках сталинского культа, когда субъективный художественно-образный взгляд дополняется логикой анализа идейно-политических событий и фактов, заверша-

ясы их нравственной оценкой или философским умозаключением. Один из примеров — описание перипетий получения им московской квартиры — типичный образец обретения бытовых благ от советской власти (жилья, того или иного статуса, зарплаты или пайка, возможности публикации, выезда за границу и т. п.). В апреле 1932 года Пришвин рассказывает в «Дневнике», как он много лет добивался от Союза писателей предоставления жилья в Москве, пока не решился обратиться лично к вождю. И вдруг — о чудо! — через два дня после отправки письма «Лева (сын писателя. — А. П.) ночью приехал с ордером на квартиру в 4 комнаты <...> С квартирами у Сталина, как в арабских сказках: в самую последнюю минуту отчаяния является сам калиф и вдруг устраивает своей волей все» [Пришвин, 2009, с. 106, 108].

Нежданно свалившееся счастье с получением квартиры вызывает у писателя не только поэтически возвышенный образ Сталина как калифа из сказок Шахеризады, но и вполне приземленный вывод о всеобщей бюрократизации советского государства, когда высшей инстанцией становится сам генсек, к которому все вынуждены обращаться, чтобы преодолеть бесконечные проволочки любого дела — от мелких и частных неустroенностей быта отдельного индивида до глобальных экономических, оборонных и научно-технических проблем всей страны. Возникновение традиции обращений к вождю посредством писем как раз и было одним из признаков тоталитарно-бюрократической системы власти, когда человек превращается в бесправного и неимущего пролетария. Настоящее же богатство общества, в понимании Пришвина, заключается в личной свободе граждан, гарантией которой может быть только наличие у них собственности. Поэтому, уничтожая частную собственность как основу экономической независимости человека, большевизм порождает неслыханное господство бюрократии, которая присвоила себе право распределять все блага жизни, исходя из собственных представлений о справедливости. В результате, как еще в 1920 году отмечал Пришвин, вершителем судеб людей становится чиновник — «социальная вошь с теорией классовой борьбы» [Пришвин, 1995, с. 15, 38].

Сделанный еще в первые послеоктябрьские годы, этот вывод писателя оказался справедливым для всей советской эпохи. «Коммунизм выскреб все личные привязанности наших людей к своим вещам, все личные навыки (кустарей), все народные обычаи. Так образовалась аморфная масса, ныне распределяющаяся вокруг личности вождя, как опилки вокруг магнитного полюса», — пишет Пришвин, видя выгоду власти в том, что у граждан при «отсутствии собственности на орудия производства и вообще личной материальной бедности, крайней неприхотливости, выносливости получается огромная подвижность, легкая управляемость» [При-

швин, 2010а, с. 367]. И поскольку во всяком социально-экономическом устройстве общества главный фактор — тип собственности на средства производства, вместе с которой человек наследует обычаи и традиции, — то характерной чертой русского народа было то, что «в нем почти отсутствовала культура наследственной собственности <...> Итак, сила нашего социализма состоит в устранении индивидуальности с ее наследственными правами (собственностью)» [Пришвин, 2013а, с. 570].

Вместе с тем Пришвин далек от мысли, что причина возникновения культа личности — это исключительно вина Сталина, его коварство и деспотичность. Не меньшая вина здесь лежит и на его окружении — не только ближайшем, к которому относятся политические деятели высшего ранга, но и более широком, как бы расходящемся кругами по стране, вплоть до местечковых комиссаров-большевиков. Безмерное возвеличение Сталина — следствие не только тотальной бюрократизации государства, но и давления партийно-классовой идеологии на мировосприятие советских людей. «Эпоха диктатуры страшно понизила нравственное сознание масс» [Пришвин, 2006, с. 82], поэтому когда «гениальный человек является и ведет за собой массы людей, то это, может быть, свидетельствует не так о высоте человека “гениального”, как о пустоте масс, которые он ведет» [Пришвин, 2010в, с. 347]. Кроме того, когда значительная часть населения вынуждена жить в условиях материального и духовного неблагополучия, то «слава Сталина создается автоматически, желай он этого или не желай. Она складывается из желания каждого жить. <...> Из жажды жизни чисто животной — есть, спать, рожать — и создается эта сила» [Там же, с. 492]. Таковы, философски обобщает писатель, объективные причины возникновения в социалистическом государстве, с одной стороны, юридического и политического бесправия большинства граждан, а с другой — абсолютизации власти вождя.

3.3. Эволюция взглядов Пришвина на культ личности Сталина: от категоричного неприятия к пониманию политики вождя

Характерная особенность Пришвина как художника и мыслителя — умение за ходом повседневных событий ощущать движение истории и ее запросы, а за россыпью частных явлений видеть как политическую сущность, так и экономическую необходимость происходящего. Поэтому его мысль не сводится только к критике недостатков политического устройства страны Советов. Не принимая классовую идеологию большевизма, он тем не менее старался отыскать положительные моменты в деятельности вождя. Так, если Пришвин в 1927 году саркастически писал о способности Сталина грамотно излагать свои идеи: «Читал “Известия”, с большим трудом одолел огромную статью Сталина и не нашел в ней ничего свободного, бездарен и честен, как чурбан» [Пришвин, 2003, с. 378], — то спустя

десятилетие генсек заслуживает прямо противоположную оценку именно за литературные достоинства: «Слушал в парткабинете доклад Сталина. <...> По славной русской традиции примеры из Щедрина и Гоголя. Живая речь живого человека» [Пришвин, 2010а, с. 368].

Если в пришвинском «Дневнике» начала 1930-х годов генсек характеризуется «диким человеком Кавказа во всей своей наготе <...> прям, честен, вообще прост, как полицейский пристав из грузин царского времени» [Пришвин, 2006, с. 143], то уже несколько лет спустя личные качества вождя получают совсем иную оценку: «“Я” Сталина родилось из кавказской, кровной верности, непостижимого <...> упорства “кровника” в достижении цели <...> Он, вероятно, беспрерывно “прижимает человека к стене”, ловит его с поличным его блажи и одного, отпустив, делает своим человеком навсегда, другого, когда *надо*, без колебания уничтожает» [Пришвин, 2010а, с. 368—369].

Пришвин намеренно выделяет курсивом слово *надо*, чтобы отметить противоречие отношений индивида и власти, интересы которых разделены принципиальным несовпадением «*хочется*» отдельной личности и «*надо*» государственной власти. Изменение геополитической обстановки в мире и необходимость мобилизовать все силы общества на укрепление военной мощи государства приводят Пришвина в конце 1930-х годов к выводу, что жесткое единовластие — насущная потребность страны: сегодня, «конечно, Сталин — всё» [Пришвин, 2010в, с. 171].

Следует особо подчеркнуть, что период правления Сталина нельзя свести только к диктатуре пролетариата, идеологии классовой борьбы и преследования всякого инакомыслия, это и эпоха глубочайшего переустройства экономики, культуры и образования всего общества. Курс Сталина на индустриализацию и коллективизацию, взятый в конце 1920-х годов — колоссальных масштабов проект модернизации общества путем «большого скачка» от технически отсталой аграрной страны к индустриальной державе, что было возможно только путем мобилизации всех ресурсов государства. «Я смотрел и смотрю на коммунизм как на военно-полевую систему организации государственной власти, не коммунизм действовал, а необходимость центральной власти, разбитой революцией» [Пришвин, 2012, с. 530], — отмечает писатель в «Дневнике».

Действительно, при всех издержках бюрократизма командно-административная система как «чрезвычайная система» организации власти позволяла направить всю энергию советского народа на решение ключевых экономических, социальных и научно-культурных задач развития общества. Под прямым руководством Сталина возводились новые города, фабрики и заводы, строились железные дороги, каналы и ГЭС, шло развитие

науки и культуры, образования и здравоохранения, повышалась заработная плата и общий уровень благосостояния советских людей. По мере социально-экономического развития страны росла и популярность генсека в народе, ибо Сталин воспринимался людьми не просто как высший представитель коммунистического режима, но прежде всего как идейно-политический лидер, принимающий самые значимые и судьбоносные для всего общества государственные решения.

Как гражданин и патриот, Пришвин, безусловно, осознавал жизненную необходимость укрепления военно-экономической мощи государства. В условиях нарастания геополитической борьбы за передел мира для страны Советов было жизненно необходимо преодолеть свою экономическую отсталость: «Пробил для нас такой час: или догнать весь мир (в технике), или отдать себя, как Китай, на эксплуатацию другим государствам. Мы решили догнать» [Пришвин, 2004, с. 495]. В этих словах Пришвина, сказанных в конце 1929 года, не только формула экономической сверхзадачи выживания первого в мире социалистического государства, но и подтверждение его интеллектуальной прозорливости, умения слышать ход времени и за разрозненными фактами повседневности видеть сущностные императивы переживаемой эпохи. Примечательно, что через два года Сталин выскажет аналогичное понимание исторической перспективы СССР как нового государственного устройства: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [Сталин, 1951, с. 39].

Как подлинный мыслитель, Пришвин видит не только изъяны и пороки большевизма, но и несомненные положительные достижения правящей партии. На фоне надвигающихся геополитических катаклизмов неизбежной мировой войны он начинает по-другому оценивать не только самовластие Сталина, но и осуществленную им коллективизацию (ни в коей мере не оправдывая многочисленные жертвы!) как более прогрессивный уклад сельской жизни, где использование машин значительно облегчает крестьянский быт. «Трудно сказать, когда это случилось, но только вдруг, когда мы хватились, личность этого человека была далеко от нас, эта личность стала сверхчеловеческой и незаместимой <...> и весь толк остался в единственном человеке» [Пришвин, 2010а, с. 19].

Во второй половине 1930-х годов в сознании Пришвина происходит мировоззренческий поворот от категоричного неприятия к пониманию политики Сталина, направленной на укрепление мощи государства. В дневниковых записях писатель фиксирует, как в предвоенное десятилетие происходила смена вектора общественного сознания от идеи революционного разрушения с его культом бесшабашных матросов и комиссаров в кожаных

куртках к идее национально-государственного строительства, которой сопутствует культ строителя, инженера, передовика-стахановца. «Разрушительная миссия интеллигенции, идеалы высшей свободы и пр. кончились, и начинается время культуры верных государству людей (“кадры решают”))» [Пришвин, 2009, с. 762].

В этой дневниковой записи Пришвина начала августа 1935 года содержится прямой отклик на знаменитый лозунг Сталина «кадры решают всё» из его выступления в Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий, опубликованного в «Правде» от 6 мая 1935 года [Сталин, 1997, с. 61]. Очевидно, что писатель не только внимательно следил за всем происходящим в общественной жизни страны, но и высказывал свое понимание глубинных причин и далеко идущих последствий смены политического курса государства. Вслед за тектоническими сдвигами советского мироустройства менялись как господствующие настроения общества, так и стереотипы личностных представлений. Постепенно в сознании Пришвина вызревает понимание, что «Сталин ... в высшей степени подходящий ко времени человек» [Пришвин, 2012, с. 10]. Более того, примкнуть к делу Сталина — это значит приобщиться к делу возрождения России, и в середине февраля 1940 года Пришвин заявляет со всей определенностью: «Если скажут мне: Сталин или Царь? Я выберу по совести Сталина» [Там же, с. 50].

Победа в Великой Отечественной войне для писателя стала импульсом как к окончательному примирению с государством, так и к полной переоценке роли Сталина и коммунистической партии: «Мне надо, как автору, подчинить себя, свое мнение, свое “хочется” творимому единству мнений. <...> Все мы освещены одним светом этого “Надо”, и <...> это “Надо” несет нам ветер истории, но не партия, не Сталин» [Пришвин, 2013в, с. 58, 59]. Очевидно, что возглавляемая Сталиным партия большевиков все-таки сумела поймать «ветер истории» в паруса своей идеологии, что позволило ей как главной организующей силе советского мироустройства повести народ за собой. Великая победа в самой кровопролитной войне за всю историю стала не только полным оправданием политики Сталина, но и чрезвычайно укрепила его авторитет как внутри советского общества, так и на международной арене. Теперь, заключает Пришвин, в СССР можно смело «приглашать иностранных свидетелей на свободные выборы: не за страх, а за совесть под звон колоколов выберут Сталина» [Пришвин, 2013а, с. 405—406].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, отметим: по мнению Пришвина, Сталин как руководитель партии и государства состоялся прежде всего благодаря четкому осознанию, что только наличие у власти твердой политической воли к про-

ведению исторически необходимых реформ может обеспечить военно-экономическую мощь державы, что и стало залогом победы над фашизмом: «Значит, “народный вождь” — это не тем народный, что народ избрал его, а что он “богоизбранный вождь”: заставил народ признать себя как вождя. Так у нас на глазах происходило со Сталиным» [Там же, с. 411]. Примечательно, что современные исследователи советской эпохи в ряде моментов приходят к аналогичным, что и Пришвин, выводам о субъективных и объективных предпосылках формирования культа личности Сталина, отмечая и лидерские качества генсека, и давление на сознание людей партийно-классовой пропаганды, и тотальную бюрократизацию общества, и необходимость жесткости власти для решения экономических проблем, от которых зависело само существование государства (см., например: [Кожин, 2011, с. 345—381]).

Для Пришвина очевидно, что личные действия вождей — это лишь форма проявления закономерности развития истории, ход которой, в конечном счете, определяется не субъективной волей, а давлением исторической ситуации и сложнейшим взаимодействием общественных сил. В конечном счете роль правителей государства не столько в качествах их характера, сколько в умении вовремя реагировать на насущные потребности советского общества. Движение мировой истории обязывало высшую государственную власть учитывать постоянно меняющееся геополитическое положение советской державы и должным образом отвечать на возникающие экономические, политические и культурные вызовы эпохи. В своевременности такой реакции, безусловно, выражалась историческая необходимость, а не личное своеволие вождя. Суждения Пришвина о культе Сталина — это личностный взгляд непосредственного свидетеля сталинской эпохи, ценность которого не только в проницательности нравственно-эстетических или идейно-политических выводов его как писателя и мыслителя, но и в той житейско-бытовой фактуре повседневной жизни рядового гражданина, которая запечатлена в повседневных дневниковых записях Пришвина.

Источники

1. Михаил Михайлович Пришвин : библиографический указатель / сост. Н. В. Борова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. — ISBN 978-5905158-21-6.
2. Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922 / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1995. — 334 с. — ISBN 5-239-01845-6.
3. Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 1999. — 416 с. — ISBN 5-239-01845-6.
4. Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2003. — 592 с. — ISBN 5-268-00519-7.

5. Пришвин М. М. Дневники. 1928—1929 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2004. — 544 с. — ISBN 5-268-00566-9.
6. Пришвин М. М. Дневники. 1930—1931 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с. — ISBN 5-94668-041-2.
7. Пришвин М. М. Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2009. — 1008 с. — ISBN 978-5-94668-060-8.
8. Пришвин М. М. Дневники. 1936—1937 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010а. — 992 с. — ISBN 978-5-94668-073-8.
9. Пришвин М. М. Дневники. 1938—1939 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010в. — 608 с. — ISBN 978-5-94668-077-6.
10. Пришвин М. М. Дневники. 1940—1941 / М. М. Пришвин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 880 с. — ISBN 978-5-8243-1599-8.
11. Пришвин М. М. Дневники. 1944—1945 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013а. — 944 с. — ISBN 978-5-94881-187-1.
12. Пришвин М. М. Дневники. 1946—1947 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013в. — 968 с. — ISBN 978-5-94881-222-9.
13. Пришвин М. М. Мирская чаша / М. М. Пришвин. — Москва : Жизнь и мысль, 2001. — С. 73—145. — ISBN 5-8455-0028-1.
14. Сталин И. В. О задачах хозяйственников (1931) / И. В. Сталин // Сочинения : В 14 тт. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. — Т. 13. — С. 29—42.
15. Сталин И. В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года / И. В. Сталин // Сочинения : в 14 т. — Москва : Издательство “Писатель”, 1997. — Т. 14. — С. 58—63.

Литература

1. Апанович Ф. Образы России и Европы в прозе и дневнике Михаила Пришвина / Ф. Апанович. — Катовице : Славск, 2002. — 172 с. — ISBN 83-7164-331-4.
2. Борисова Н. В. «Безнадёжно ... висим над бездной ...» революционная повседневность 1918 года в дневнике М. М. Пришвина / Н. В. Борисова // История : факты и символы. — 2018. — № 3 (16). — С. 15—28. — DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-15-28.
3. Варламов А. Н. Пришвин / А. Н. Варламов. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 548 с. — ISBN 5-235-02548-2.
4. История Коммунистической партии Советского Союза. (Изд. 4—е, доп.). — Москва : Политиздат, 1973. — 752 с.
5. Кожин В. Россия. Век XX / В. Кожин. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 1040 с. — ISBN 978-5-699-53295-7.
6. Летаева Н. В. Дневники М. М. Пришвина на занятиях русского языка в иностранной аудитории / Н. В. Летаева // Русский язык в военном вузе. — 2021. — № 4. — С. 36—41.
7. Кузнецов Ф. Бунт и примирение Пришвина / Ф. Кузнецов // Наше наследие. — 1990. — № 2. — С. 83—84.
8. Новоселова И. Г. Дневники М. М. Пришвина. Духовный космос / И. Г. Новоселова. — Владивосток : Издательство Дальневосточного ГУ, 2004. — 216 с.
9. Павловский А. И. «... Сигналы людям будущего» (О дневнике М. Пришвина 1930 года) / А. И. Павловский // Русская литература. — 1993. — № 1. — С. 81—91.

10. Сова М. Н. Дневники М. М. Пришвина в современных исследованиях / М. Н. Сова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2015. — № 1. — С. 361—366.

11. Холодова З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина : Содержание, структура, контекст / З. Я. Холодова. — Иваново : Иваново, 2000. — 296 с. — ISBN 5-7807-0175-X.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023;
одобрена после рецензирования 23.02.2023;
подготовлена к публикации 15.03.2023.

Material resources

- Mikhail Mikhailovich Prishvin: bibliographic index. (2013). Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1995). *Diaries. 1920—1922*. Moscow: Moskovsky rabochy. 334 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1999). *Diaries. 1923—1925*. Moscow: Russian Book. 416 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2001). *The World Cup*. Moscow: Life and Thought. 73—145. ISBN 5-8455-0028-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2003). *Diaries. 1926—1927*. Moscow: Russian Book. 592 p. ISBN 5-268-00519-7. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2004). *Diaries. 1928—1929*. Moscow: Russian Book. 544 p. ISBN 5-268-00566-9. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2006). *Diaries. 1930—1931*. St. Petersburg: Rostock. 704 p. ISBN 5-94668-041-2. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2009). *Diaries. 1932—1935*. Saint Petersburg: Rostock. 1008 p. ISBN 978-5-94668-060-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010a). *Diaries. 1936—1937*. Saint Petersburg: Rostock. 992 p. ISBN 978-5-94668-073-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010b). *Diaries. 1938—1939*. Saint Petersburg: Rostock. 608 p. ISBN 978-5-94668-077-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2012). *Diaries. 1940—1941*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 880 p. ISBN 978-5-8243-1599-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013a). *Diaries. 1944—1945*. Moscow: Novy Chronograph. 944 p. ISBN 978-5-94881-187-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013b). *Diaries. 1946—1947*. Moscow: Novy Chronograph. 968 p. ISBN 978-5-94881-222-9. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951). On the tasks of business executives (1931). In: *Essays: In 14 vols, 13*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 29—42. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1997). Speech in the Kremlin Palace on the issue of academicians of the Red Army on May 4, 1935. In: *Essays: in 14 vols, 14*. Moscow: Publishing House "Writer". 58—63. (In Russ.).

References

- Apanovich, F. (2002). *Images of Russia and Europe in the prose and diary of Mikhail Prishvin*. Katowice: Slavsk. 172 p. ISBN 83-7164-331-4. (In Russ.).

- Borisova, N. V. (2018). “Hopeless ... hanging over the abyss ...” revolutionary everyday life of 1918 in the diary of M. M. Prishvin. *History: facts and symbols*, 3 (16): 15—28. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-15-28. (In Russ.).
- History of the Communist Party of the Soviet Union*. (1973). Moscow: Politizdat. 752 p. (In Russ.).
- Kholodova, Z. Ya. (2000). *Artistic thinking of M. M. Prishvin: content, structure, context*. Ivanovo: Ivanovo. 296 p. ISBN 5-7807-0175-X. (In Russ.).
- Kozhinov, V. (2011). *Russia. Century XX*. Moscow: Eksmo: Algorithm. 1040 p. ISBN 978-5-699-53295-7. (In Russ.).
- Kuznetsov, F. (1990). Revolt and reconciliation of Prishvin. *Our heritage*, 2: 83—84. (In Russ.).
- Letaeva, N. V. (2021). M. Prishvin’s diaries at Russian language classes in a foreign audience. *Russian language in a military university*, 4: 36—41. (In Russ.).
- Novoselova, I. G. (2004). *M. M. Prishvin’s diaries. Spiritual cosmos*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern State University. 216 p. (In Russ.).
- Pavlovsky, A. I. (1993). “... Signals to people of the future” (About the diary of M. Prishvin 1930). *Russian literature*, 1: 81—91. (In Russ.).
- Sova, M. N. (2015). The diaries of M. M. Prishvin in modern research. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 1: 361—366. (In Russ.).
- Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin*. Moscow: Molodaya gvardiya. 548 p. ISBN 5-235-02548-2. (In Russ.).

*The article was submitted 14.01.2023;
approved after reviewing 23.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.*